

Л. А. Абрамян

СЕМИОТИКА И СМЕЖНЫЕ НАУКИ

Семиотика, или общая теория знаков, принадлежит к числу научных дисциплин, возникших в самое недавнее время. Первые марксистские работы, посвященные положительной разработке философских проблем семиотики, вышли в свет всего год-два тому назад¹. Можно сказать, что семиотика как самостоятельная наука еще находится в стадии становления и формирования.

Неудивительно, что вопрос о предмете семиотики, о сфере применения ее понятий и методов все еще остается дискуссионным. Думается, что «самоопределению» общей теории знаков в значительной мере способствовало бы обсуждение вопроса об отношении семиотики к смежным наукам.

Предварительно, однако, необходимо хотя бы кратко остановиться на некоторых обстоятельствах возникновения семиотики.

В истории философии идея общей теории знаков была выдвинута много веков тому назад. Термин «семиотика» встречается уже у древних стоиков. Философы средневековья мыслили себе науку, которую они именовали *scientia signorum*. В новое время Локк в своей классификации наук особое место уделял учению о знаках, которую он по древнегреческой традиции называл семиотикой. Но до тех пор, пока возникновение семиотики не стало настоящей потребностью, диктуемой развитием конкретных наук, идея общей теории знаков, естественно, носила общий и довольно неопределенный характер. Тем не менее прежде, чем возникновение семиотики было подготовлено общим уровнем познания, философией вопрос о новой области знания в общем виде был уже поставлен.

Возникновение семиотики как самостоятельной научной дисциплины было стимулировано логикой развития частных (специальных) наук, изучающих знаковые системы. В этом смысле в качестве источников семиотических идей следует упомянуть прежде всего символическую (математическую) логику и языкознание. Не случайно, непосредственными предшественниками современной семиотики являются один из

¹ См. Л. А. Зиновьев, Об основах абстрактной теории знаков, Сб. «Проблемы структурной лингвистики, 1963», М., 1963; G. Klaus, *Semiotik und Erkenntnistheorie*, Вейп., 1963; Л. О. Резников, Гносеологические вопросы семиотики, Л., 1964. Краткий обзор советской литературы по философским вопросам семиотики помещен в статье: Н. Г. Алексеев, Э. Г. Юдин, Проблемы диалектического материализма в работах советских философов, «Вопросы философии», 1964, № 12, стр. 159—160.

пионеров символической логики — Ч. С. Пирс и Ф. де Соссюр — основоположник структурной лингвистики. Актуальность создания семиотики они объясняли необходимостью выработки общей точки зрения, с которой можно было бы рассматривать не только формализованные языки и не одни только обычные, естественные языки, но и знаковые системы вообще.

В этой связи Ф. де Соссюр, в частности, писал: «Язык есть система знаков, выражающих идеи, а следовательно, его можно сравнить с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д.... Можно таким образом мыслить себе науку, изучающую жизнь знаков внутри жизни общества... Она должна открыть нам, в чем заключаются знаки, какими законами они управляются»². Поскольку такая наука еще не существует, продолжал швейцарский лингвист, нельзя сказать, чем она будет. Но она, безусловно, имеет право на существование, — место ее предопределено заранее³.

Первая попытка очертить круг основных проблем, относящихся к компетенции семиотики, была предпринята, как известно, Ч. Моррисом в конце 30-х годов⁴. Правда, свою концепцию семиотики Ч. Моррис теоретически основывал на своеобразном синтезе идей прагматизма и логического позитивизма⁵. Тем не менее, несмотря на ошибочность философских и методологических принципов, из которых исходил Ч. Моррис, его труды способствовали формированию семиотики и научному признанию этой новой отрасли познания.

Говоря о современной семиотике, порой имеют в виду теорию знаков в том ее виде, который ей был придан Ч. Моррисом. Однако в настоящее время моррисовская концепция семиотики неприемлема не только в силу ее философской несостоятельности, — она устарела и в конкретно-научном отношении. Дело в том, что в последние годы на формирование общей теории знаков существенным образом повлияло возникновение и развитие кибернетики, вследствие чего изменилось само понимание предмета и проблематики абстрактной теории знаков. Учи-

² Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 40.

³ См. там же.

⁴ Ch. W. Morris, Foundations of the Theory of Signs, in „International Encyclopedia of Unified Science“, vol. 1, № 2, Chicago, 1938. Позднее свое понимание задач и предмета семиотики Ч. Моррис детально изложил в труде: Signs, Language, and Behaviour, № 9, 1946.

⁵ Философская интерпретация семиотики, предложенная Ч. Моррисом, была подвергнута критике в марксистской литературе. (См. М. Корнфорт, В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма, М., ИЛ, 1951, стр. 262—282; И. Лингарт, Американский прагматизм, М., ИЛ, 1954, стр. 197—209; Л. О. Резников, Гносеология прагматизма и семиотика Ч. Морриса, «Вопросы философии», 1963, № 1 и др.). Следует, однако, заметить, что в минувший период некоторые работы по этим вопросам отличались скорее духом нигилистического, «зряшного» отрицания, чем критического преодоления.

таявая это, некоторые исследователи справедливо включают семиотику в число научных дисциплин, тесно связанных с кибернетикой⁶.

Даже столь беглый взгляд на особенности возникновения семиотики показывает, что научная дисциплина, изучающая то общее, что имеется между знаками и знаковыми системами различного рода, вызвана к жизни самим ходом научного познания. Не боясь впасть в преувеличение, можно сказать, что семиотика как обобщающая наука выростала из проблематики ряда частных (специальных) наук. Эта особенность становления семиотики делает особенно актуальной задачу выяснения отношения общей теории знаков к смежным наукам и, прежде всего, к языкознанию, символической логике, кибернетике и философии⁷.

Семиотика и языкознание. Постановка вопроса о соотношении общей теории знаков и науки об обычном, естественном языке исходит из того, что эти научные дисциплины где-то соприкасаются, сталкиваются и что, следовательно, при изучении языка применимы методы не только традиционного языкознания, но и общей теории знаков. Последнее утверждение, в свою очередь, основывается на том, что значимые элементы языка — это особого рода знаки и что язык может и должен рассматриваться в качестве знаковой системы.

В одно время принято было считать, что признание языка знаковым явлением противоречит марксистской теории отражения и неизбежно ведет к агностицизму⁸. На этом основании отвергалась всякая возможность применения методов семиотики (а также структурализма) при изучении естественного языка. Тем самым упразднялся вопрос о каком бы то ни было отношении семиотики к языкознанию. Однако, чем больше отрицание знаковости языка обнаруживало свою безосновательность, тем острее вставал вопрос о соотношении семиотики и лингвистики.

Конечно, естественный язык — это предмет, прежде всего, языкознания, — гуманитарной, в сущности, науки, рассматривающей язык преимущественно как социальное явление. Само собой разумеется, данное явление может быть понято лишь на основе материалистического понимания общества и его истории. Ибо — что значит понять то или иное явление? Это значит выяснить его место и роль среди других явлений действительности и выявить те его специфические качества, которые позволяют ему выполнять его существенные функции; это значит проанализировать условия и особенности возникновения и развития данного явления и т. д. В соответствии с этим понять сущность естественного

⁶ Краткие замечания по этому поводу имеются в следующих работах: Л. Б. Баженов, Б. В. Бирюков, А. Г. Спиркин, О философских аспектах кибернетики [Послесловие к книге: Г. Клаус, Кибернетика и философия, М., ИЛ, 1963, стр. 519]; Б. В. Бирюков, А. Г. Спиркин, Философские проблемы кибернетики, «Вопросы философии», 1964, № 9, стр. 118.

⁷ Особый интерес представляет вопрос об отношении семиотики к эстетике и искусствоведению, однако эта проблема требует отдельного, специального рассмотрения.

⁸ См., например, Л. О. Резников, Против агностицизма в языкознании (Критика знаковой теории языка), Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1948, том VII, выпуск 5.

языка — значит установить роль и место языка в жизни и развитии общества, выявить факторы, обусловившие происхождение и эволюционирование языка и т. д.

Все эти вопросы, относящиеся к самой сущности языка как социального явления, впервые были правильно поставлены и — в принципе — решены лишь с возникновением материалистического понимания истории. Вскрыв сущность общественных отношений и выявив основные закономерности развития общества, философия и социология марксизма создали научную основу для понимания естественного языка. Благодаря этому была выявлена определяющая роль труда в возникновении языка, в социальном плане были охарактеризованы наиважнейшие функции языка как «непосредственной действительности мысли» и как средства общения. Эта концепция языка была и остается единственно верной, ее основополагающие принципы незыблемы.

Однако со временем — в условиях неукоснительного следования за догматически понятыми, окостенелыми формулировками — постепенно стало казаться, что такое понимание исключает анализ языка в любом ином аспекте, кроме сущностного—социального. Совершенно ясно, что подобный подход ограничивал развитие теории языка, ибо он игнорировал многогранность языка, многообразие его связей и отношений с внеязыковой реальностью.

Язык — исключительно сложное явление. Хотя естественный язык составляет предмет, прежде всего, лингвистики, он может изучаться с различных сторон — физической, физиологической, психологической, эстетической и т. п. Наряду с этим язык обладает также семиотическим аспектом, и именно постольку, поскольку язык может рассматриваться как знаковое явление. Понятно, что этот факт нисколько не изменяет социальной природы языка, как не отвергает его и возможность исследования языка методами, скажем, физиологии высшей нервной деятельности, т. е. методами естественно-научной дисциплины. Точно так же признание слова знаком отнюдь не противоречит тому, что выраженное этим словом понятие является отражением действительности. Отсюда, кстати говоря, ясна ошибочность довольно распространенного и по сей день мнения, будто знаковая теория языка неизбежно ведет к знаковой теории познания, к агностицизму.

Итак, естественный язык, наряду с физическими, эстетическими и другими свойствами, обладает также знаковыми особенностями⁹. От-

⁹ Л. О. Резников писал: «Положение, что язык есть непосредственная действительность мысли и утверждение, что язык является только системой знаков, с точки зрения последовательного материализма непримиримы» (Л. О. Резников, Неопозитивистская гносеология и знаковая теория языка, «Вопросы философии», 1962, № 2, стр. 109). Думается, что это надуманная, ложная дилемма; в подлинной науке вопрос так не ставится. В самом деле, язык потому и является непосредственной действительностью мысли, что лингвистические знаки — слова — прямо и непосредственно выражают понятия и идеи.

Нельзя не обратить внимание и на другое. Не так давно Л. О. Резниковым было сделано следующее, — можно сказать, программное — заявление: «...последовательное

сюда непосредственно следует, что семиотическое исследование обычного языка правомерно и необходимо. С другой стороны, поскольку идея знаковости отражает лишь одну из сторон языка — сущность такого специфического явления, как язык, не может быть раскрыта с помощью одних лишь семиотических методов. В этом смысле семиотический подход узок и ограничен определенным, а именно знаковым аспектом.

Отсюда иногда делается следующий вывод: поскольку семиотика занимается знаковыми системами любого рода, а языкознание изучает лишь определенную разновидность знаковых систем — естественный язык, — значит лингвистика является частью семиотики. Вследствие такого подхода семиотика порой подразделяется на семиотику естественных знаковых систем и семиотику искусственных знаковых систем. При этом языкознание отождествляется с семиотикой естественных языков.

Думается, что подобное понимание соотношения между семиотикой и языкознанием является ошибочным, — оно создает искаженное представление как о языкознании, так и о семиотике. Согласно этому представлению, лингвистика как «часть» семиотики изучает язык лишь в знаковом аспекте. Но это, разумеется, совершенно неверно. Знаковый план языка имеется в виду почти исключительно структурной лингвистикой, представляющей собой наиболее абстрактный раздел, или отрасль современного языкознания. Следовательно, языкознание непосредственно соприкасается с семиотикой главным образом через структурную лингвистику.

Вместе с тем утверждение о том, что язык служит предметом изучения не только языкознания, но и семиотики, нельзя понимать в том смысле, что семиотика интересуется языком как целостным явлением. Общую теорию знаков занимает не язык сам по себе, во всем многообразии его свойств и сторон, а только то, что является общим для языка и других знаковых систем. Так, раскрывая содержание понятия «знак», семиотика стремится дать такое определение или же такую характеристику, которые в состоянии охватить знаки самой различной породы, — от электрических импульсов, пробегающих по техническому каналу связи, и до значимых элементов живого человеческого языка. Иначе говоря, семиотика изучает знаки и знаковые системы в общем виде, в отвлечении от их специфических особенностей. Отсюда ясно, что разделение общей теории знаков на семиотику естественных и искусственных языков подрывает самую основу существования семиотики как науки.

Следует подчеркнуть, что семиотика вовсе не отрицает реальности специфических особенностей, отличающих одни знаковые системы от других, — она только отвлекается от этих особенностей и различий. По-

---

развитие материалистической теории отражения приводит к необходимости отвергнуть знаковую теорию языка во всех ее формах» (Л. О. Резников, Понятие и слово, Л., 1958, стр. 26—27). В цитированной выше статье категоричность этого заявления ослаблена: теперь уже противоречие усматривается между теорией отражения и утверждением, что язык — это только система знаков. Но тем самым точка зрения, противоположная материалистическому взгляду на язык, чрезмерно упрощается.

добный подход столь же обоснован и целесообразен, как и изучение с единой, кибернетической точки зрения таких различных объектов, как, например, центральная нервная система и информационные машины. Для семиотического исследования характерен именно такой общий и отвлеченный взгляд на знаки и знаковые системы.

Безосновательными в силу этого являются опасения, что семиотический подход к естественному языку низводит его до уровня более просто организованных знаковых систем. Выработывая обобщенные и абстрактные понятия, семиотика не сводит одни знаковые системы к другим, а раскрывает общее между ними, то существенное, что присуще всем знаковым системам. Правда, некоторые видные представители семиотики на Западе, игнорируя качественное своеобразие естественного языка, не делают никакого различия между лингвистическим знаком и такими знаками, как сигнальный раздражитель — агент условного рефлекса. Однако подлинное научное обобщение и абстрагирование не имеет ничего общего со смазыванием качественных различий между изучаемыми объектами, с механистическим сведением сложного к простому.

Со времен Гегеля хорошо известно, что тождество не исключает различий. Научная мысль, как показывает ее история, всегда стремилась к раскрытию как общности, так и различий. Поэтому в данном случае, кроме общности, существующей между обычным, естественным языком и искусственными знаковыми системами, важно учитывать качественное различие между ними. При этом семиотику как науку нельзя упрекнуть в том, что она пренебрегает этими различиями, ибо она ставит перед собой задачу выработать классификацию знаков и знаковых систем и, в частности, определить различия между живым естественным языком и формальным, логико-математическим «языком». Собственными силами эту задачу не в состоянии решить ни лингвистика, изучающая естественные языки, ни символическая логика, исследующая формализованные языки. Только более широкий взгляд, фиксирующий то общее, что имеется между знаковыми системами различного рода, может установить также и различия между ними.

Понятно, что семиотика, выработывая общее понятие о знаковой системе вообще, опирается на данные наук, изучающих те или иные знаковые системы конкретного типа. С другой стороны, структурная лингвистика как отрасль языкознания использует методы общей теории знаков в своем анализе языка в узком смысле слова (т. е. языка как системы). В целом семиотика и языкознание рассекают язык в различных плоскостях. Но, как явствует из сказанного, плоскости эти пересекаются.

Семиотика и символическая логика. Попытки выяснения отношения между данными дисциплинами наталкиваются на некоторую дополнительную трудность, связанную с тем, что в советской философской литературе еще не выработано единого мнения о предмете самой символической логики. Одни считают, что символическая логика является собой современный этап в развитии формальной логики (эта точка зрения —

наиболее распространенная в советской литературе); другие полагают, что это математическая дисциплина¹⁰. Обе эти концепции восходят к традиционным идеям, давно известным из истории развития символической логики. Ничего здесь, по существу, не меняет также сделанное недавно предложение — различать понятия «математической логики» (в широком смысле) и «символической логики»¹¹, ибо при этом опять-таки первая из них принимается за математическую дисциплину, а вторая — за логическую.

Но существует еще третья точка зрения: символическая (математическая) логика представляет собой особую, самостоятельную науку, стоящую между математикой и формальной логикой¹². Хотя эта точка зрения еще недостаточно разработана в литературе, она представляется наиболее правильной. В самом деле, задачей символической логики, по-видимому, следует считать изучение формальных знаковых моделей вообще — независимо от того, служат ли они моделями логических доказательств или релейно-контактных схем, математических теорий или нервных сетей. Другими словами, задача символической логики заключается в исследовании общих закономерностей построения формальных знаковых систем как средств познания.

Правда, к компетенции символической логики обычно относят такие проблемы, как, например, вопрос об истине в формализованных языках. Но подобного рода вопросы действительно логическую интерпретацию имеют лишь в случае изучения таких знаковых систем, которые служат формальными моделями структуры логического доказательства. Следовательно, логической дисциплиной является только металогика, а не символическая логика в целом. И хотя специалистами символическая логика трактуется и излагается как металогика (А. Чёрч) или же как метаматематика (С. Клини), однако предмет символической логики шире и, так сказать, отвлеченнее, чем предмет одной только металогики или же метаматематики. Это формальные — синтаксические и семантические — системы вообще, рассматриваемые как средства знакового моделирования.

С другой стороны, в сравнении с общей теорией знаков предмет символической логики уже и ограниченнее. Дело не только в том, что, кроме синтаксиса и семантики, общая теория знаков включает в себя и прагматику. Символическая логика изучает исключительно лишь формальные знаковые системы, т. е. такие знаковые системы, в которых новые знаковые выражения получаются только согласно точно фиксированным правилам. Семиотика же не знает подобных ограничений в выборе знаковых систем, которые она изучает с целью установления

¹⁰ См. Л. П. Гоккелли, О природе логического, Тбилиси, 1958, стр. 302, 306 и др.

¹¹ См. А. А. Ветров, Математическая логика и современная формальная логика. «Вопросы философии», 1964, № 2.

¹² См. Б. М. Кедров, Предмет марксистской диалектической логики и его отличие от предмета формальной логики, Сб. «Диалектика и логика. Законы мышления», М., 1962, стр. 69, 76 и др.

общих закономерностей функционирования знаков и знаковых систем. Это различие между семиотикой и символической логикой по предмету изучения кажется достаточно очевидным и не вызывающим особых сомнений. А это — центральный пункт различия, ибо именно предмет изучения и есть то основное и решающее, что определяет своеобразие данной отрасли познания, его отличие от смежных областей.

Все же в этом вопросе еще нет необходимой ясности. Высказывается, в частности, мнение, что семиотика изучает только продуктивные знаковые системы, т. е. такие, в которых из небольшого набора первичных знаков конструируется бесконечное или достаточно большое число других знаков и знаковых выражений¹³. С таким пониманием предмета общей теории знаков, вероятно, связано также утверждение о том, что, с точки зрения применяемых в ней методов, семиотика представляет собой совокупность одних лишь формальных методов¹⁴. Думается, что вследствие такого понимания семиотика чрезмерно сближается с символической логикой или даже отождествляется с ней. Поэтому с такой трактовкой вопроса вряд ли можно согласиться.

Поскольку семиотику интересуют наиболее общие закономерности функционирования знаков и знаковых систем, она не может оставить вне поля зрения непродуктивные знаковые системы (как, например, система знаков, регулирующих уличное движение, денежные знаки, системы оценки знаний учащихся и т. д.). Отсюда ясно, что метод формализации не является единственным методом семиотики. Исследование в ней ведется не только на формальном, но и на описательном и теоретическом уровне, включая в себя выяснение основных понятий (знаковая ситуация, знак, значение и т. д.), классификацию знаков и знаковых систем, обоснование и разграничение синтаксического, семантического и прагматического подхода и т. п.

Таким образом, семиотика и символическая логика различаются как по предмету, так и по конкретно-научному методу. Это, конечно, не означает, что эти научные дисциплины разобщены. Напротив, как показывает исследовательская практика, они обнаруживают тенденцию к сближению, сотрудничеству. Так, к работам по символической логике — нередко в качестве введения — предпосылаются необходимые сведения по общей теории знаков. В семиотических исследованиях применяются методы символической логики и т. д. и т. п.

В этом отношении вызывает интерес упомянутая выше работа А. А. Зиновьева «Об основах абстрактной теории знаков». В ней делается попытка как бы синтезировать некоторые понятия и методы семиотики и символической логики. Существование такой области исследования, в которой используются средства как общей теории знаков, так и символической логики, безусловно, правомерно. Следует лишь иметь в виду, что абстрактная теория знаков, как она мыслится автором, — это именно

¹³ См. И. И. Ревзин, От структурной лингвистики к семиотике, «Вопросы философии», 1964, № 9, стр. 44.

¹⁴ См. там же, стр. 43.

область исследования, а не самостоятельная научная дисциплина со своим особым предметом.

Примечательно, что в указанной работе А. А. Зиновьева в числе других проблем ставится вопрос о формализации теории знаков. Понятно, что вследствие этого символическая логика приобретает совершенно особое значение для семиотики. Этим, однако, автор отнюдь не исключает необходимости вести исследование на «описательно-содержательном» уровне, который представляет интерес, в частности, для разрешения ряда дискуссионных гносеологических проблем, и не только гносеологических.

Семиотика и кибернетика. Как известно, кибернетика еще не имеет общепринятого определения. Ее характеризуют то как науку об общих особенностях процессов управления, то как науку о процессах передачи и хранения информации. При этом совершенно ясно, что эти характеристики не исключают, а дополняют друг друга, вскрывая различные аспекты кибернетической проблематики. Исходя из этого, в сжатой формулировке кибернетику можно определить как общую теорию управления на основе информации¹⁵.

В таком определении кибернетики подчеркивается то обстоятельство, что управление в кибернетическом смысле не сводится к простому физическому взаимодействию, — оно предполагает использование (обработку, передачу и т. п.) информации. А поскольку информация свое вещественное бытие обретает в последовательности знаков-сигналов, принадлежащих к определенному коду, к определенной знаковой системе, понятно, что использование информации, с некоторой точки зрения, заключается в оперировании знаками. Отсюда непосредственно следует, что кибернетическое исследование общих закономерностей движения информации теснейшим образом связано с изучением общих закономерностей функционирования знаков.

Правда, приведенное выше обобщенное определение кибернетики также не является исчерпывающим. Оно тоже раскрывает лишь определенную сторону кибернетической проблематики. Но это та сторона кибернетики, в которой возникают «лингвистические» проблемы в широком смысле слова.

Точнее говоря, речь идет не о «лингвистических», а о семиотических проблемах. Подобная дифференциация в литературе, к сожалению, проводится не всегда, что объясняется неразработанностью общего вопроса об отношении семиотики к смежным наукам. Так, С. К. Шаумян пишет: «В процессе передачи информации часто возникает необходимость преобразовать информацию из одной системы знаков в другую систему

¹⁵ Именно таков смысл развернутых определений кибернетики, предложенных А. Н. Колмогоровым, В. В. Солодовниковым и др. См. А. Н. Колмогоров, Предисловие к книге: У. Р. Эшби, Введение в кибернетику, М., ИЛ, 1959, стр. 8; В. В. Солодовников, Проблема управления как важнейшая проблема кибернетики и автоматики, Сб. «Автоматическое управление», М., 1961, стр. 13.

знаков, т. е. из одного кода в другой. Подобного рода преобразования называются кодированием. Всякий код есть разновидность языка, а кодирование есть не что иное, как перевод с одного языка на другой. Отсюда следует, что проблема изучения кодов и кодирования есть лингвистическая проблема...»¹⁶. Если под «кодами» подразумеваются знаковые системы вообще, то проблема изучения кодов есть не лингвистическая, а семиотическая проблема. В отличие от лингвистических проблем, возникающих в кибернетике главным образом в связи с задачей «перевода» с естественного языка на «язык» машины, семиотические проблемы в ней встают при любом случае преобразования кодов.

Семиотика, таким образом, тесно примыкает к кибернетике и действительно принадлежит к семье научных дисциплин, группирующихся вокруг кибернетики.

К сказанному необходимо добавить еще следующее. В кибернетике и в общей теории связи знаковые системы фигурируют как средства коммуникации. С другой стороны, в символической логике знаковые системы выступают преимущественно в своей интеллектуальной функции. В отличие от этого семиотика изучает знаки и знаковые системы во всех важнейших их функциях и, следовательно, как со стороны коммуникативной, так и интеллектуальной функции. Это один из моментов, делающих семиотику общей теорией знаков.

Семиотика и философия. Уже в конце 30-х годов, когда семиотика как самостоятельная дисциплина делала свои первые шаги, Ч. Моррисом были предприняты попытки представить семиотику как науку, призванную решать проблемы, которые прежде традиционно относились к компетенции философии¹⁷. В более поздней своей работе он утверждает, что семиотика представляет собой «пролегомены ко всякой будущей философии»¹⁸, что это «органон философии»¹⁹ и т. п. В одной из последних своих работ Ч. Моррис говорит о необходимости «...рассматривать человеческую культуру как сплетение символов... и использовать те или иные функции символов как ключ к характеру различных аспектов человеческой культуры»²⁰. Все это свидетельствует о том, что семиотика либо отождествляется с философией, либо же на нее возлагается какая-то особая философская миссия.

Моррисовская идея о философской значимости семиотики, как известно, была активно поддержана в неопозитивистской литературе. Здесь эта идея встретила своего рода «встречное движение», поскольку задачу философии лидеры логического позитивизма видели в «анализе

¹⁶ С. К. Шаумян, Лингвистические проблемы кибернетики и структурная лингвистика, «Вопросы философии», 1960, № 9, стр. 121—122.

¹⁷ Ch. W. Morris, Foundations of the Theory of Signs, p. 58—59.

¹⁸ Ch. W. Morris, Signs, Language, and Behaviour, p. 233.

¹⁹ Ibidem, p. 237.

²⁰ Ч. Моррис, Наука, искусство и технология. «Современная книга по эстетике». Онтология, М. ИЛ, 1957, стр. 338.

языка» — сначала в логическом синтаксисе языка, позднее — в семиотическом анализе²¹. В результате возведение семиотики в ранг философии было «дополнено» сведением философии к теории знаков.

Поводом для философской интерпретации семиотики, очевидно, служит то обстоятельство, что интеллектуально-познавательная деятельность человека всегда осуществляется в знаковой форме, посредством тех или иных знаков. Отсюда делается вывод: для того, чтобы исследовать особенности абстрактного мышления, достаточно изучить закономерности функционирования знаков.

Но, прежде всего, при этом вся деятельность интеллекта ошибочно сводится к оперированию знаками. Между тем мышление отнюдь не исчерпывается тем, как в процессе познания используются знаки и знаковые системы. Шарден говорил: «Пользуются красками, но пишут чувством». Перефразируя это изречение, можно было бы сказать: пользуются знаками, но мыслят понятиями.

Далее, при истолковании семиотики как философии последняя непозволительным образом гносеологизируется, вернее полностью преобразуется в теорию познания. Подобное препарирование уже само по себе глубоко ошибочно. К тому же при этом под теорией познания подразумевается не научная гносеология, которая основу, цель и критерий познания видит в практике изменения природы и общества, а некая формальная и субъективистская эпистемология, оторванная от онтологии и отрицающая ее. Такое представление о теории познания связано с пресловутым устранением так называемых «спекулятивных» и «метафизических» вопросов, т. е. коренных проблем философии, которые объявляются «псевдопроблемами», лишенными познавательного значения. Теория знаков в глазах неопозитивистов как раз и составляет именно такую теорию, которая может играть роль некоторой «нефилософской философии».

Возведение семиотики в степень философской теории, сопровождаемое своеобразным истолкованием предмета и задач самой философии, направлено, главным образом, против научного понимания философии как науки. Более того, подобное истолкование семиотики упраздняет проблематику всей истории философии. Оно устраняет проблемы, над которыми философская мысль билась на всем протяжении своего развития и которые ни в малейшей степени не утратили своей актуальности и в современную эпоху.

Совершенно очевидно, что семиотика не в состоянии выполнять существенных и определяющих функций подлинной, научной философии. Она не может служить ни философской теорией, ни общим, философским методом. Семиотика не призвана раскрывать наиболее общие законо-

---

²¹ Р. Карнап утверждает: «Задачей философии является семиотический анализ; проблемы философии касаются не конечной природы бытия, а семиотической структуры языка науки, включая теоретическую часть обыденного языка» (R. Carnap, *Introduction Into Semantics and Formalization of Logic*, Cambridge-Massachusetts, 1959, p. 250).

мерности развития природы, общества и мышления. В ее задачу не входит решение в общем виде вопроса об отношении мышления к бытию, идеального к материальному — центральной проблемы всей философии.

В силу этого концепция, заменяющая философию семиотикой, должна быть отвергнута самым решительным образом. По этому поводу среди сторонников научной философии нет и, надо полагать, не может быть серьезных разногласий и споров. Тем не менее думается, что и в марксистской философии вопрос о соотношении семиотики и философии нуждается в дальнейшем обсуждении.

Обсуждению подлежит, в частности, вопрос о том, является ли семиотика философской наукой. Авторы некоторых марксистских работ по философским проблемам теории знаков отвечают на этот вопрос положительно. Наиболее острым вариантом такого решения является та точка зрения, согласно которой семиотика — это составная часть философии²². В качестве аргумента в пользу такого понимания приводится соображение о том, что анализ языка (в его научном содержании, конечно) служит одной из важнейших задач теории познания. Но ведь в этом смысле и анализ мышления также принадлежит к числу основных задач гносеологии. Разве это означает, что научные дисциплины, изучающие различные стороны мышления, например, психология и формальная логика, входят в философию в качестве ее составных частей?

Правда, специальные научные дисциплины, исследующие те или иные стороны познавательной деятельности человека, как и многие другие науки, зарождались и предварительно формировались в недрах философии. Эта особенность в известной степени свойственна и семиотике, хотя она до сих пор разрабатывалась не только философами, но и лингвистами и специалистами по символической логике. Однако при выяснении характера научной дисциплины необходимо уточнить вопрос: является ли данная наука «философской» благодаря историческим обстоятельствам, в силу которых она развивалась или еще развивается в лоне философии, или же она действительно является философской наукой по самому своему предмету. На этом основании философскими науками следует считать Логикку с большой буквы (как ее понимали Гегель и Ленин), теорию познания и диалектику, а также исторический материализм, имеющий своим основным вопросом соотношение общественного бытия и общественного сознания. В отличие от этого науки, не являющиеся философскими по своему предмету, если даже они не вполне еще обособились от философии, следует считать частными науками. В этом смысле семиотика — это частная (специальная), а не философская наука.

Такому пониманию семиотики как частной науки не противоречит то обстоятельство, что семиотику интересуют наиболее общие законы функционирования знаков и знаковых систем. Указанное обстоятельство

²² G. Klaus, *Semiotik und Erkenntnistheorie*, S. X—XI, 31 u. a.

свидетельствует лишь об обобщенном характере этой науки, об отвлеченности ее категорий, а вовсе не о том, что это не частная наука. Ведь и биология является более общей наукой, чем, скажем, ботаника, но вследствие этого она не перестает быть специальной наукой.

Следует, однако, указать на одно существенное отличие семиотики от таких, так сказать, традиционных наук, как биология. Последняя, как известно, развивает общие представления об органической форме движения материи, и в обычной классификации наук она выделяется на основе учения об основных формах движения материи. В последние десятилетия, однако, возникли науки, предмет которых, в отличие от «традиционных» наук, выделяется на ином основании, ибо они изучают не ту или иную форму движения материи, а различные формы, но в определенном аспекте. К такого рода наукам принадлежит и общая теория знаков. Это частная (специальная) наука, имеющая своим предметом изучение общих условий и закономерностей функционирования знаков и знаковых систем вообще. Ее понятия и методы применимы к самым различным объектам, обладающим знаковой природой,— от биологической сигнализации до естественного языка, от машинного кода до искусства мимов.

В заключение необходимо подчеркнуть, что самостоятельность семиотики как науки ни в коем случае не позволяет игнорировать ее органическую связь с философией. Естественно, научная разработка теоретических проблем семиотики возможна лишь на основе научной же, диалектико-материалистической философии. С другой стороны, развитие общей теории знаков рождает новые философские проблемы, решение которых не только способствует прогрессу семиотических знаний, но и обогащает содержание самой философии.

Լ. Զ. Արբանաժյան

ՍԵՄԻՈՏԻԿԱՆ ԵՎ ՀԱՐԱԿԻՑ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Ա մ փ ո փ ու մ

Ինչպես հայտնի է, սեմիոտիկան որպես ինքնուրույն գիտություն առաջժամ գտնվում է կազմավորման պրոցեսում: Այս առումով առավել մեծ կարևորություն է ձեռք բերում հարակից գիտությունների հետ սեմիոտիկայի փոխհարաբերությունների բնույթի ճշգրտումը: Հոգվածում քննարկվում են սեմիոտիկայի փոխհարաբերություններն այնպիսի գիտությունների հետ, ինչպիսիք են լեզվաբանությունը, սիմվոլիկ (մաթեմատիկական) տրամաբանությունը, կիրեռնետիկան և փիլիսոփայությունը:

Հոգվածում արծարծվող տեսակետի համաձայն, սեմիոտիկան ուսումնասիրում է նշաններն ու նշանային սիստեմներն ընդհանուր տեսքով՝ վերանալով նրանց սպեցիֆիկ առանձնահատկություններից: Սեմիոտիկայի առարկան այն ընդհանուրն է, որ գոյություն ունի տարբեր տիպի նշանների և նշանային սիս-

տեմաների միջև: Ուստի այդ գիտությունն իրավամբ անվանում են նշանների վերացական ուսմունք:

Կարծիք կա, թե լեզվաբանությունն իրենից ներկայացնում է սեմիոտիկայի մի բաժինը կամ մասը: Բայց իրականում սեմիոտիկան և լեզվաբանությունը լեզուն վերցնում են տարբեր հարթություններով: Ճիշտ է, այդ հարթությունները հատում են միմյանց, ուստի և ատուկատուրալ լեզվաբանությունը որպես լեզվի վերաբերյալ գիտության մի ճյուղ օգտագործում է սեմիոտիկայի մեթոդները, իսկ վերջինս իր ընդհանրացումների մեջ հենվում է լեզվաբանության տվյալների վրա:

Ի տարբերություն սիմվոլիկ տրամաբանության, որն ուսումնասիրում է ձևական նշանային սիստեմաները, սեմիոտիկան իբրև նշանների և նշանային սիստեմաների ընդհանուր տեսություն ուսումնասիրում է ամեն տեսակի, այդ թվում՝ ոչ-ձևական և ոչ-պրոդուկտիվ նշանային սիստեմաները: Սիմվոլիկ տրամաբանության և սեմիոտիկայի միջև ըստ նրանց առարկայի գոյություն ունեցող այս տարբերությունից բխում է նաև նրանց կոնկրետ գիտական մեթոդի տարբերությունը:

Կիրեռնետիկան կարելի է սահմանել որպես ընդհանուր ուսմունք, որի առարկան է կառավարումը ինֆորմացիայի օգտագործման հիման վրա: Սակայն կառավարման նպատակով ինֆորմացիայի օգտագործումը որոշակի իմաստով հանգում է նշաններով գործառնելուն: Այս առումով կիրեռնետիկայի մեջ ևս ծագում են սեմիոտիկական պրոբլեմներ: Ուստի պետք է ընդունել, որ սեմիոտիկան այն գիտությունների «ընտանիքին» է պատկանում, որոնք խմբավորվել են կիրեռնետիկայի շուրջը:

Հողվածում քննադատության է ենթարկվում պոզիտիվիստական գրականության մեջ ընդունված՝ սեմիոտիկայի ըմբռնումը, որի համաձայն նշանների ընդհանուր տեսությունը կոչված է լուծելու այն պրոբլեմները, որոնք տրադիցիոն կերպով համարվում էին փիլիսոփայության իրավասության առարկան: Այնինչ սեմիոտիկան ի վիճակի չէ կատարելու փիլիսոփայության, որպես գիտության, էական և որոշիչ ֆունկցիաները: Այն չի կարող լինել ոչ փիլիսոփայական տեսություն, ոչ էլ ընդհանուր, փիլիսոփայական մեթոդ: Սեմիոտիկան նպատակ չունի բացահայտելու բնության, հասարակության և մտածողության պարզացման առավել ընդհանուր օրինաչափությունները: Նրա խնդիրների մեջ չի մտնում ամբողջ փիլիսոփայության կենտրոնական պրոբլեմի՝ կեցության նկատմամբ մտածողության հարաբերության հարցի լուծումն ընդհանուր տեսքով: Սեմիոտիկան մասնավոր (հատուկ) գիտություն է, որի առարկան նշանների և նշանային սիստեմաների գործողության ընդհանուր պայմաններն ու օրինաչափություններն են: